

РУССКАЯ АРМИЯ и БОЛЬШЕВИЗМ в 1917 году

Определение: Б. — доктрина и насильственная практика социально-классового превосходства, основанные на агрессивном отрицании Бога, ценности человеческой личности и её самостоятельности, духовной свободы и национальной культуры.

Важнейшая цель **Б.** заключалась в попытке принудительного создания **нового человека** через общественное и частное закрепощение ради достижения фиктивного материально-имущественного равенства.

В 1914–1916 годах на полях сражений Русская Императорская армия понесла тяжелые потери, которые привели к качественному изменению её состава и состояния накануне Февральской революции. Известный академический ученый и профессор, Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Н. Головин, отмечая избалованность русского генералитета «доблестью войск», писал: *«Подобно очень богатому человеку, наш командный состав привык слишком нерасчетливо лить офицерскую и солдатскую кровь»* [6. С. 8]. Это была цена умственной лени на уровне управления. К осени 1916 учтенные потери убитыми и умершими от ран на этапах санитарной эвакуации составили 568 946 чинов, умершими от болезней — 101 529 чинов, ранеными и контужеными — 2 993 537 чинов (из них остались в строю 235 244), пропавшими без вести — 2 068 907 чинов [15. С. 23–24], итого более 5,7 млн. человек.

Итого за время войны: призвано примерно 15,4 млн.

(из них обученные первого года войны: 1,4 млн. + 3,2 млн. = 4,6 млн.)

В годы Великой войны гвардейская пехота буквально истекла кровью. В военное время гвардейский пехотный полк (по штату 1910 года) насчитывал 78 офицеров, 10 военных чиновников, 16 вольноопределяющихся и 4261 нижнего чина. Чтобы представить уровень потерь элитных частей, достаточно отметить, что в качестве пополнения павловцы получили 173 офицера и 16348 нижних чинов, волынцы — 144 офицера и 16275 нижних чинов, измайловцы — 197 офицеров и 15059 нижних чинов, московцы — 146 офицеров и 14968 нижних чинов, преображенцы — 140 офицеров и 14092 нижних чина, лейб-егеря — 150 офицеров и 13728 нижних чинов, семеновцы — 152 офицера и 13607 нижних чинов, и т. д. Таким образом, гвардейские пехотные полки сменили несколько составов, потеряв накануне революции не только однородность, но и своё предназначение по защите престола. «Количеством, массой думали одолеть все препятствия, а в результате — огромные потери, страшные жертвы людьми», — с горечью писал в эмиграции барон Николай фон Будберг. За нехватку тяжелой артиллерии и технических средств борьбы приходилось платить большой кровью.

Маршевое пополнение, готовившееся в глубоком тылу, по настроениям и мотивации резко отличалось от солдат мирного времени. Л.-гв. полковник Ал-др. Ив. Джулиани, командовавший в Царском Селе запасным батальоном Л.-гв. 1-го стрелкового Его Величества полка, насчитывавшим к февралю

1917 года до трех тысяч чинов, отмечал, что усилия офицеров могли дать результат лишь в плане строевого обучения, но в короткий срок они не могли привить запасным духа части и её традиций. Кадровых офицеров представляли всего лишь шесть человек, негодных к строевой службе по болезни или ранениям. Поэтому неудивительно, что вечером 28 февраля 1917 года под влиянием революционных событий в столице в разбухшем батальоне вспыхнул солдатский бунт [10. Л. 3, 15–18; 13. С. 243–244]. Обстановка нездорового беспорядка в казармах и невозможность вести «правильное воинское воспитание такой массы» силами слабых офицерских кадров отмечались и другими современниками [7. С. 18–19].

Разрушение основ воинской дисциплины после фактической самоликвидации царской власти 2–3 марта 1917 года и издания знаменитого «Приказа № 1» Петроградского Совета привело к росту дезертирства. Если с 1914 года до Февральской революции общее число дезертиров по официальным данным на четырех фронтах (Северном, Западном, Юго-Западном, Румынском) составило 195 130 чинов, то после Февраля к 1 августа 1917 года превысило 170 тыс. человек [15. С. 194]. Таким образом, в революционной армии среднемесячное количество дезертиров выросло в три с половиной раза — примерно с 9,3 тыс. до 34 тыс. К моменту Октябрьского переворота — с учетом уклонистов от службы в разного рода комитетах и учреждениях, «эвакуированных» и «заболевших» — генерал Головин считал возможным говорить о массовой солдатской самодемобилизации [7. С. 79].

Крайним симптомом заболевания армейского организма стали убийства офицеров. По данным Головина в дни Февральской революции в Петрограде погибли и получили ранения 869 чинов, в том числе 60 офицеров [7. С. 63, 72]. Кроме того, на Балтийском флоте до середины марта погибли более 130 офицеров, включая чинов сухопутных гарнизонов, отмечались и случаи убийств офицеров в войсках на фронте [4. С. 10–11]. По мере развития революции, ослабления власти и роста большевистской агитации эксцессы в Действующей армии повторялись, а в августе происходили многократно [4. С. 13–14, 19–20, 22; 15. С. 413, 416–418, 437–438]. Изучение причин и характера таких воинских преступлений представляет проблему, заслуживающую внимания исследователей. Одна из трагедий разыгралась в ночь с 1 на 2 августа (ст. ст.) в Гв. 1-м стрелковом полку Гвардейской стрелковой дивизии II гвардейского армейского корпуса 7-й армии Юго-Западного фронта. Были убиты подчиненными командир Гв. 1-го СП, Георгиевский кавалер, Гв. полковник Владимир Михайлович Быков и командир 2-го батальона Гв. капитан Александр Сергеевич Колобов, который запомнился сослуживцам «мягкий, приветливый, бывший фельдфебель Павловского училища», «истинный христианин с хрустально чистой душой».

Итак, разложение армии после Февраля происходило по следующим причинам:

В России стремительное разложение армии после Февральской революции 1917 года происходило по трем главным причинам. **Во-первых**, *резко ухудшилось качество русской пехоты* в результате кровавых потерь понесенных в 1914–1916 годах из-за нехватки вооружения, боеприпасов и технических средств борьбы. Пагубную роль играли и ошибки на уровне управления войсками.

Во-вторых, к весне 1917 года население утомили тяготы и лишения военного времени. Для мобилизованных солдат, сосредоточенных в тыловых округах и гарнизонах, главная жизненная перспектива заключалась в близкой смерти или превращении в калеку во имя малопонятных целей. В силу слабости гражданского общества и социальной отсталости основной массы крестьянского населения *народная усталость* от войны наступила в России раньше, чем в других воюющих странах. Жертвы и тяготы военного времени повышали общественную усталость. *«Скрытой, но в то же время главной движущей силой русской революции являлось нежелание народных масс продолжать войну»*, — признавал генерал Головин [5. С. 199; 7. С. 75–77]. Как следствие, в Действующей армии начался рост дезертирства.

В-третьих, в марте 1917 года рухнул *привычный политический обряд*. При отречении Николай II лишил престолонаследия цесаревича Алексея Николаевича, несмотря на то, что многомиллионную армию связывала присяга не только императору, но и наследнику. Великий князь Михаил Александрович до созыва Учредительного собрания не согласился, но и не отказался царствовать, и своим странным решением закрыл вступление на престол другим членам династии. В массовом — и особенно в крестьянском — сознании исчез образ царя, как объединяющей общество фигуры, символизировавшей политическое единство. Февраль принес двоевластие в виде противостояния между слабым Временным правительством и амбициозным Петроградским Советом.

Кроме того, существовала **еще одна причина** крушения армии — в виде целенаправленных усилий Германии по разложению войск противника при помощи агитации и других мероприятий, способствовавших эскалации революции, разрушавшей российские государственные институты. В 1919 году генерал пехоты Эрих Людендорф, бывший два года начальником штаба Главнокомандующего на Востоке, признал: *«Посылая Ленина в Россию, наше правительство принимало на себя особую ответственность. С военной точки зрения это предприятие было оправдано, Россию нужно было повалить»*. В 1943 году на одном из совещаний Адольф Гитлер, вспоминая исторический опыт, заявил: *«Мы разбили и растерли Россию и в эту разбитую Россию доставили Ленина, которому тогда было там место»*. Гитлер отчасти приукрасил действительность: Россия не была разбита на поле боя, но плачевное состояние власти и деградация тыла после Февраля создали благоприятные условия для пораженческой деятельности ленинцев.

При этом весной 1917 года Кайзеррейх напрягал последние силы. Ресурсы Кайзеррейха истощались, в Германии свирепствовал голод. «В настоящее время в Германии большой продовольственный кризис и германцы надеются только на сепаратный мир с Россией», — докладывал 22 апреля 1917 года из Копенгагена Генерального штаба генерал-майор Сергей Потоцкий, служивший в должности Российского военного агента в нейтральной Дании. Но немцы еще надеялись переломить ситуацию. Сепаратный мир позволил бы им свернуть Восточный

фронт и начать переброску войск на Запад, чтобы предпринять отчаянный натиск и на исходе войны вырвать победу из рук Антанты.

Планы Берлина по ликвидации Восточного фронта временно совпадали с целями Владимира Ульянова (Ленина), желавшего социальной революции. Он был готов обещать крестьянам в солдатских шинелях «мир и землю», чтобы захватить власть путем мятежа, установить однопартийную диктатуру, и начать грандиозный «социалистический» эксперимент не только в российском, но и в европейском масштабе, в том числе в пролетарской Германии. Такая головокружительная программа по свержению русской буржуазии требовала энергии, денег и ресурсов. Поэтому в середине марта 1917 года министерство иностранных дел (МИД) Германии запросило у министерства финансов 5 млн. марок для расходов на политические цели в России. Немцы в свою очередь рассчитывали использовать большевиков лишь как таран для разрушения Российского государства, а затем надеялись удержать их на Востоке и не пустить в Европу. Тем самым оба партнера хотели воспользоваться плодами кратковременного сотрудничества, а потом обмануть друг друга. «Въезд Ленина в Россию прошел успешно. Он действует точно так, как нам бы хотелось», — сообщал своему руководству 21 апреля 1917 года офицер связи МИД при Имперском дворе Кайзеррейха. Примерно в том же ключе 2 мая докладывал в специальной телеграмме и генерал Потоцкий:

«Установлено двоеточие настоящее время почти во всех городах Германии Австро-Венгрии не хватает хлеба мяса картофеля муки вообще съестных продуктов точка Повсюду продовольственный кризис и всеобщее неудовольствие народных масс точка Германское правительство желая вывести Германию из тяжелого положения во что бы то ни стало хочет заключить мир с Россией точка С этой целью высылают социал-демократов нейтральных стран Россию платя большие деньги точка 13/Б. 147».

Ленинцы развернули в войсках широкую пропагандистскую кампанию. Разложение армии и тыловых гарнизонов создавало благоприятные условия для захвата власти большевистской партией сначала в столичных центрах, а затем и по всей стране. С середины апреля на фронт направлялись тысячи экземпляров большевистских газет, брошюр, книг и другой печатной продукции. В апреле РСДРП(б) издавала 17 ежедневных газет общим тиражом в 320 тыс. экземпляров. Их общий еженедельный тираж составлял 1 млн. 415 тыс. экземпляров. А за первые два летних месяца число ежедневных газет возросло до 41 с ежедневным тиражом в 320 тыс. экземпляров. В мае — июне ежедневно и бесплатно на фронт направлялись 3 тыс. большевистских газет, тысяча книг и брошюр. Особенно популярной стала отправка агитационной литературы с маршевыми ротами. Так, например, за период с 1 мая по 11 июня в Действующую армию ушли для бесплатной раздачи 61 525 экземпляров газеты «Солдатская Правда» — главного печатного органа большевистской пропаганды среди фронтовиков и военнослужащих запасных частей. За тот же период в гарнизоны военных округов только через солдат были доставлены более 7 тыс. экземпляров «Солдатской Правды» и 3635 штук газеты «Социал-демократ».

В результате большевистской агитации в мае — июне от выхода на боевые позиции отказались четыре полка в 7-й армии Юго-Западного фронта, одиннадцать полков 10-й армии Западного фронта и другие части. Большевики умело использовали в своих целях солдатские комитеты, возникшие в армии после Февральской революции, причем не только для политической деятельности.

Начальник австро-венгерской разведывательной службы генерал Макс Ронге отмечал: только до лета 1917 года австро-германские разведывательные органы установили контакты с солдатскими комитетами 107 из 214 русских дивизий. По свидетельству Ронге, австро-германское командование широко использовало в своих интересах призывы Ленина к братанию и миру. В мае при активном участии большевиков из солдатских комитетов разведотделы 3-й и 7-й австро-венгерских армий осуществили на Восточном фронте при помощи акций по «братанию» 285 разведывательных контактов.

Немецкая схема финансирования ленинцев, которую в июне — июле в основном вскрыли сотрудники отделения контрразведки Петроградского военного округа (ПВО) во главе с Георгиевским кавалером, Генерального штаба капитаном Борисом Никитиным, выглядела следующим образом.

В качестве германского резидента, в чье распоряжение поступали средства из Кайзеррейха, в Стокгольме и Копенгагене выступал знаменитый социал-демократ и политический комбинатор Александр Парвус. Он создал компанию по импорту и экспорту дефицитных медицинских товаров, а её управляющим и исполнительным директором стал революционер Яков Ганецкий-Фюрстенберг (Куба), кооптированный Лениным в состав Заграничного бюро ЦК РСДРП(б). С зимы 1917 года Ганецкий жил в Стокгольме, а в мае переселился в фешенебельный пригород Neglinge bei Stockholm. Ближайшим сотрудником и связником Кубы был другой ленинский эмиссар и член Заграничного бюро ЦК Карл Радек. Роль главного «торгового контрагента» Ганецкого в Петрограде играла его двоюродная сестра Евгения Суменсон (Рундо), числившаяся владелицей торгового предприятия и аптекарского склада. На самом деле никакого склада Суменсон не имела. На ее банковские петроградские счета Ганецкий переводил из Стокгольма крупные суммы, передававшиеся Суменсон присяжному поверенному Мечиславу Козловскому: он защищал юридические интересы большевиков и поддерживал связи с Лениным, а также с избранными лицами из его окружения, знавшими о поступлении средств от Ганецкого и Радека. В их числе, скорее всего, был Григорий Зиновьев.

Позднее сотрудники окружной контрразведки установили, что отдельные выплаты Козловскому достигали 100 тыс. рублей наличными. «Немцы повели наступление на слабом внутреннем фронте таким бешеным темпом, что хронометр истории не успел отсчитать своих положенных часов, — писал полковник Никитин в эмиграции. — Более того: немцы поддерживали именно русский острог [тюрьму. — К. А.], в котором большевистская партия вербовала свои кадры, не стесняясь немецкими деньгами». Бывший следователь по особо важным делам Петроградского окружного суда, известный криминалист Павел Александров, репрессированный и расстрелянный в 1940 году, после ареста на допросах в органах НКВД показал, что следствие по обвинению Ленина и его соратников в государственной измене и подготовке вооруженного восстания располагало многочисленными уликами и свидетельствами. Разным участникам «мирной демонстрации» по свержению Временного правительства большевики платили: за готовность стрелять — 120–140 рублей, за выход на улицу и проход с лозунгом — от 10 до 70 рублей и т. д.

К осени 1917 Российская армия разрушалась, её захлестнула волна дезертирства и воинская дисциплина неуклонно падала. Некомплект в строевых частях составлял сотни тысяч чинов и приближался к миллиону. По горькому

признанию генерала от инфантерии Михаила Алексева, армия превратилась «во всероссийский военный митинг с участием немецких представителей», на котором умерла «большая душа русского солдата». В войсках офицеров травили и убивали. Большевистские газеты, распространявшиеся среди солдат, предрекали избиение «контрреволюционного командного состава». К сожалению, Временное правительство отказалось от резкого сокращения численности армии путем её перевода на добровольческую основу, хотя такая новаторская мера могла дать необходимый эффект.

Тем не менее, Восточный фронт продолжал существовать и отвлекал на себя значительные австро-германские силы. В сентябре 1917 года противник продолжал держать на Востоке 134 дивизии (против 142 на Западе), и внимательно следил за развитием политической ситуации в России. 7 сентября резидент австро-венгерской разведки в Копенгагене телеграфировал в Ставку в Бадене: ленинский эмиссар, прибывший с письмом в датскую столицу, заявил местным представителям большевистской партии о захвате власти в России в течение ближайших восьми недель. Затем большевики обещали немедленное заключение мира. 16 сентября государственный секретарь МИД Германской империи Рихард фон Кюльман записал: «Большевистское движение никогда бы не достигло того масштаба или влияния, какое оно имеет сегодня, без нашей продолжительной поддержки».

Варианты выхода из ситуации.

В гоголевском цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки» есть жутковатая повесть «Вечер накануне Ивана Купала». Её сюжет незамысловат и поучителен. Добрый парубок Петрусь, страстно желая жениться на возлюбленной, принял от нечистой силы два мешка с золотыми червонцами, так как отец невесты не хотел выдавать замуж свою дочь за голодранца. Взамен нечистая сила потребовала от Петруся, чтобы он принес ей в жертву шестилетнего братика своей избранницы — и обезумевший жених дьявольское условие выполнил, отрезав голову невинному ребенку. Деньги получили и оприходовали, свадьбу сыграли, но в конечном итоге жизнь молодоженов превратилась в ад. И когда наступила неизбежная развязка трагедии, то её финал был закономерен: «Кинулись к мешкам: одни битые черепки лежали вместо червонцев». Нечистая сила всех надула.

100 лет тому назад роль бесовского золота сыграли знаменитые ленинские декреты «О мире» и «О земле». Оба декрета принял 26 октября (8 ноября) II съезд Советов, контролировавшийся большевистской партией. Делегаты предложили «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленные переговоры о справедливом демократическом мире», «без аннексий и контрибуций», а также «немедленно заключить перемирие». Страны Антанты стояли на пороге победы и просто не обратили внимания на пораженческие призывы авантюристов из Смольного.

Солдатская толпа, дезертировавшая с фронта, приняла новость на «ура». Однако дезертировали из Действующей армии далеко не все. Например, на Юго-Западном фронте 26–27 октября чины Гвардии Егерского полка под командованием полковника барона Фёдора Штакельберга продолжали самоотверженно выполнять свой долг на позициях, вели активные и небезуспешные бои с противником. 5 ноября на заседании ВРК в Петрограде делегат от 35-й пехотной дивизии, перед тем как покинуть со своими соратниками собрание, откровенно заявил: «За большевиками идут только незначительные

солдатские массы и рабочие-красногвардейцы, которые работают в пользу большевизма за 10 рублей в день, как раньше черносотенцы работали за рубль в месяц». Союзники Российской республики по Антанте внимания на ленинское заявление не обратили. Зато враги России — Германия и Австро-Венгрия — откликнулись на него немедленно. Но зато враги России — Германия и Австро-Венгрия — откликнулись на них немедленно. Большевики заявили о готовности вступить в прямые переговоры с врагом, и теперь более ста австро-германских дивизий ждали переборки с Востока на Западный фронт.

Роль тыловых гарнизонов в триумфальном шествии советской власти. Установление лжесоветской власти, растянувшееся в провинции до зимы 1918 года, совсем не выглядело триумфальным. Из 97 крупных городов и губернских центров в 17 (Астрахани, Вятке, Воронеже, Иркутске, Казани, Курске, Москве, Орле, Пензе, Самаре, Саратове и др.) большевики встретили вооруженное сопротивление.

9/22 ноября 1917 – решение Совнаркома о принудительном смещении Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами России Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Духонина за отказ вступить в мирные переговоры с противником. Предоставление находившимся на позициях воинским частям права выбора уполномоченных для ведения переговоров с противником о перемирии на своих участках фронта.

Односторонний ленинский мир закончился жестоким убийством Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Духонина, исполнявшего обязанности Верховного Главнокомандующего, ликвидацией старой армии и позорным Брестским миром, обесценившим плоды всех военных усилий России в 1914–1916 годах. Вместо победоносного завершения Великой войны ленинцы дали русскому народу пятилетнюю гражданскую войну, гораздо более кровавую и разорительную. Крыленко в одном из своих первых приказов утверждал: *«Через трупы непокорных генералов правительство Народных Комиссаров остановило войну»*.

Роль социального динамита сыграл второй декрет — «О земле». По существу Ленин, не стесняясь, заимствовал аграрную программу эсеровской партии для того, чтобы заручиться поддержкой крестьянского большинства до той недалекой поры, когда коммунисты объявят ему беспощадную войну.

Лукавым декретом навсегда отменялась *частная собственность* на землю, в том числе не только помещичья, но и *крестьянская*. Земля объявлялась малопонятным «всенародным достоянием». Зимой 1917/18 годов мужики с восторгом кинулись громить немногочисленные дворянские усадьбы, чинить насилия над их владельцами и делить желанную помещичью землю. Но на их удивление дворянской земли оказалось совсем немного: до «черного передела» средний земельный надел на двор колебался в пределах 5–7га, а «прирезка» после всероссийского земельного грабежа дала домохозяину еще от 0,3 до 1 га. По честной оценке статистика Наркомата земледелия и экономиста Бориса Книповича, увеличение земельной площади на едока в большой крестьянской семье выразилось в ничтожных величинах: десятых и даже сотых десятины на душу.

Давняя народническая мечта о том, что с принудительным разделом помещичьей земли наступит всеобщее хозяйственное благоденствие, оказалась соблазнительным мифом. Зато культурные имения подверглись разгрому и разорению. Уравнительный передел коснулся и крепких крестьянских хозяйств, в

деревню пришла вражда и ненависть, пролилась первая кровь — пока дворянская. И когда в 1919–1921 годах «русской Вандее» понадобились свои образованные и пассивные полевые командиры из местных дворян, как это произошло во Франции в конце XVIII века, то выяснилось: они либо давно изгнаны, либо перебиты крестьянскими руками.

Тщетны оказались надежды революционеров-романтиков на разумное пользование захваченной собственностью. Так, например, на землях помещиков Солнцевых в Курской губернии площадью в 81 десятину (88 га) был устроен совхоз по выращиванию сахарной свеклы и садово-огородных культур. В начале 1920-х годов убыточный совхоз насчитывал в три раза больше рабочих, чем при помещике, при котором только 28 десятин (30,5 га) из общей площади приносили годовой доход в 3,5 тыс. золотых рублей.

Награбленное впрок не идет.

Платить за «черный передел» пришлось скоро. Уже зимой 1919 года большевистский ВЦИК провозгласил всю пахотную землю в пределах РСФСР «единым государственным фондом». В царской России Пётр Столыпин и Александр Кривошеин хотели видеть крестьян крепкими и самостоятельными собственниками. Но большевики сначала превратили их в уравнилителей пользователей государственной земли с сомнительными правами, а через пятнадцать лет — в бесправных рабов без права выезда за пределы сталинского колхоза. За полдесятины дворянской земли наш народ заплатил сначала продразверсткой, затем — колхозным рабством, миллионными жертвами Голодомора и кулацкой ссылки, ГУЛАГом и раскрестьяниванием огромной страны.

Вместо обещанных благ ленинские декреты принесли черепки и черепа.

30 ноября 1917 года Военно-революционный комитет при захваченной большевиками Ставке в Могилёве принял «Проект положения о демократизации армии», придавший законченные формы ликвидации русского офицерского корпуса. Главковерх Н. В. Крыленко и его заместитель А. Ф. Мясников упразднили чины и отменяли ношение погон. Могилёвский «проект» послужил основой для известных декретов Совнаркома, принятых 16 декабря: *«О выборном начале и об организации власти в армии»* и *«Об уравнивании всех военнослужащих в правах»*. **16/29 декабря 1917** – декрет Совнаркома *«Об уравнивании в правах всех военнослужащих»*, упразднявший воинские чины и звания Русской армии, титулование, наружные знаки отличия – нашивки, погоны, ордена, медали, кресты. Упразднялись офицерские организации, а также преимущества, предоставлявшиеся обладателям офицерских чинов. Декретом *«О выборном начале и об организации власти в армии»* вводилась выборность командного состава и должностных лиц.

Убийства, аресты, избиения и смещение генералов и офицеров сопровождалось массовым выдвиганием на открывшиеся вакансии новых неквалифицированных кадров из младших обер-офицеров, унтер-офицеров и рядовых. Одновременно большевики и левые эсеры разрушали сохранявшийся армейский аппарат и органы военного управления. На линии фронта поощрялись братание и обменная торговля, при этом со стороны противника под видом солдат выходили переодетые офицеры и унтер-офицеры. В результате, по мнению немецкого генерал-майора Г. Гофмана,

командовавшего зимой 1917–1918 годов Восточным фронтом, Российская армия быстро превратилась в *«отдельные вооруженные кучки, которые не представляли никакой военной ценности»*ⁱ.

В. И. Ленин, выступая в январе 1918 года на III съезде Советов, с удовлетворением констатировал смерть старой армии: *«Она отдана на слом, и от нее не осталось камня на камне. Полная демократизация армии проведена»*ⁱⁱ. В действительности гонимые и измученные офицеры, возвращавшиеся с фронта в уездные, губернские и столичные города, оказывались совершенно беззащитными перед разнузданной большевиками стихией. Ленинские слова прозвучали на фоне начавшегося истребления русских генералов и офицеров по социальному признаку, в качестве потенциальных врагов революционной власти. Зимой 1917–1918 годов жертвами бесчинствующих солдатских и матросских толп стали сотни из них. Кроме того, убийства «контрреволюционеров» на периферии поощряли деятели местных Советов и многочисленных ревкомов. Так, в Севастополе 15–17 декабря были убиты 23 офицера (по другим данным – 128), а 22–24 февраля, по признанию председателя ревкома Ю. П. Гавена – «более шестисот офицеров-контрреволюционеров». В январе на станции в Харцызске арестованы в проходящих эшелонах и расстреляны 132. Несколько тысяч офицеров и учащихся военно-учебных заведений погибли 26–31 января в дни массового террора после прихода в Киев советских войск под командованием бывшего подполковника и левого эсера М. А. Муравьеваⁱⁱⁱ.

Крыленко, состоявший членом комитета по военным и морским делам при Совнаркоме, на месте регулярных вооруженных сил смутно представлял себе народно-социалистическую гвардию, призванную бороться с буржуазной контрреволюцией. Поэтому главная задача Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), рожденной декретом Совнаркома от 15 января 1918 года, по замыслу ее создателей заключалась не в защите Отечества от внешних врагов. Армии Крыленко и Ленина, Дыбенко и Подвойского надлежало стать *«оплотом Советской власти в настоящем, фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением в ближайшем будущем»*, и особенно *«поддержкой для грядущей социалистической революции в Европе»*^{iv}.

Власть Совнаркома отказались признавать казаки на Дону, в Оренбургской области, на Кубани, Урале и в Астрахани. Офицеры-добровольцы, юнкера, кадеты, учащаяся молодежь учебных заведений группами и поодиночке отправлялись в Область Войска Донского, где нашла свой приют Алексеевская военная организация, из которой выросла Добровольческая армия. *«Легко быть смелым и честным, зная, что лучше смерть, чем жизнь в униженной и оплеванной России»*, — написал в конце 1917 года один из первых добровольцев, Генерального штаба генерал-лейтенант Сергей Марков.

ⁱ Цит. по: *Гофман М.* Записки и дневники (1914–1918). Л., 1929. С. 113.

ⁱⁱ Цит. по: *Ленин В. И.* Доклад о деятельности Совета народных комиссаров // Полн. собр. соч. Т. 35. М., 1974. С. 269.

ⁱⁱⁱ *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 1999. С. 43–46, 48–49, 69–70; *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 53, 67–68; *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1990. С. 169.

^{iv} Цит. по: Декрет об организации РККА // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 356.